

скопление паров, сопутствующих звезде Марса. Оба этих свойства присущи Музыке, целиком построенной на соотношениях, как это видно в гармонизированных словах и в песнях, гармония которых тем сладоутнее, чем прекраснее соотношения. Гармония же прекрасных связей в наивысшей степени свойственна именно этой науке. К тому же Музыка привлекает к себе духов человеческого сердца, которые являются как бы его испарениями; слыша музыку, они почти прекращают другую свою деятельность, настолько душа, когда она внимает звукам, становится нераздельной, и сила всех чувств как бы сосредоточивается в духе, воспринимающем звук.

Небо Юпитера можно сравнить с Геометрией, сопоставляя следующие два их свойства: первое – это то, что Юпитер движется между двумя небесами, между небом Марса и небом Сатурна, противоборствующими его прекрасной умеренности; поэтому Птолемей в упомянутой книге и говорит, что Юпитер – звезда склада умеренного между холодом Сатурна и жаром Марса; второе же свойство – то, что среди прочих звезд он кажется белым, как бы серебристым. Геометрия также движется между двух противоположностей, а именно точки и окружности. Замечу, что я употребляю термин «окружность» в широком смысле, имея в виду все округлое, будь то тело или поверхность. По словам Эвклида, точка есть начало поверхности, окружность же – самая совершенная фигура в Геометрии, являющаяся также предельной. Таким образом. Геометрия движется между точкой и окружностью как между началом и пределом, и они противоречат ее достоверности; ибо точка, будучи неделимой, измерению не подлежит, окружность же, будучи дугообразной, не может быть в совершенстве квадрирована, а потому и не может быть в точности измерена. К тому же Геометрия предельно бела, поскольку она не запятнана ни единой ошибкой и в высшей степени достоверна как сама по себе, так и в лице своей служанки, именуемой Перспективой.

Небо Сатурна имеет два свойства, из-за которых его можно сравнить с Астрологией: одно из них – [это] медленность его движения через двенадцать знаков Зодиака, так как время его обращения, согласно писаниям астрологов, требует двадцати девяти лет с лишним; другое его свойство – то, что он выше всех остальных планет. И оба эти свойства наличествуют и в Астрологии: в самом деле, чтобы завершить ее круг, то есть ее познать, необходим значительнейший промежуток времени; [доказательств] и необходимых опытных наблюдений в ней больше, чем в любой другой из названных выше наук. Она выше всех остальных наук, ибо, как говорит Аристотель в начале книги «О душе», наука возвышается благородством своего предмета и своей достоверностью. Эта наука более чем какая-либо другая из вышеназванных наук благородна и возвышенна, ибо изучает движения неба; к тому же она возвышенна и благородна своей достоверностью, которая безупречна, как проистекающая из совершеннейшего и строжайшего начала. И если иной и допускает в ней какой-нибудь недостаток, то недостаток этот не в астрономии, но, как говорит Птолемей, в нашем нерадении, которому и следует его приписывать.

XIV.

После сравнений семи первых небес надлежит перейти к остальным, которых три, как уже не раз сообщалось. Поистине небо звезд можно сравнить с Физикой на основании трех свойств и с Метафизикой – на основании трех других. Оно обнаруживает свою сущность в двух явлениях: во-первых, в множестве звезд; во-вторых, в Млечном Пути, открывая нам то белое кольцо, которое простонародье называет Дорогой Святого Якова. Небо звезд показывает нам один из своих полюсов, другой же от нас таит. Нам видно одно его движение – с востока на запад, а другое – с запада на восток – почти что вовсе от нас скрыто. Таким образом, следуя по порядку, надлежит сначала рассмотреть сравнение с физикой, а потом – сравнение с Метафизикой.

Небо звезд являет нам множество звезд: согласно наблюдениям египетских мудрецов, они, включая последнюю звезду, увиденную ими в полдень, насчитывают тысячу двадцать два звездных тела, о которых я и веду речь. В этом отношении небо звезд обладает величайшим сходством с Физикой, если только внимательно приглядеться к этим трем числам, а именно два, двадцать, тысяча. Число «два» обозначает местное движение, связывающее одну точку с другой. Число же «двадцать» обозначает движение изменяющееся. Действительно, невозможно подняться выше десятки иначе как изменяя ее при помощи остальных девяти цифр или при помощи ее самой. Самое прекрасное ее изменение то, которое она получает от самой себя; первое полу-